

ОЛЕГ АРИН

Разум и совесть

Как бытие определяет сознание

Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня.

К. Маркс

На протяжении как минимум семи тысяч лет, прошедших с момента появления письменности, не утихают споры о том, что такое хорошо и что такое плохо, что истинно, а что ложно. Философы продолжают дискутировать о том, что первично: материя или дух; экономисты и политологи — экономика или политика; социологи — что справедливо, что нет; и т. д. Все это — вечные вопросы, на которые нет однозначных ответов. Точнее, ответы есть, но они различны в силу очень многих причин. Вплоть до такой, которую воспроизвел Дидро в одном из своих диалогов с некоей герцогиней. В ответ на его высказывание та сказала: «Я привыкла понимать только то, что мне нравится». Слова, под которыми подпишутся почти все женщины мира (если, конечно, они женщины).

Несмотря на то что причин различия в ответах очень много, одна из важнейших заключена в том, что человечество еще не научилось размышлять. У этого тоже есть причина, поскольку 99 процентов населения земного шара — это обыкновенные

обыватели, которые вполне удовлетворяются здравым смыслом, достаточным не только для выживания, но для некоторых — и процветания. Мыслят главным образом люди умные, иначе — ученые, но ход их мыслей, глубина и широта зависят от страны проживания, условий, в которых они живут, и что очень важно — от философских воззрений, которые они сами могут и не осознавать. Даже такая, казалось бы, незначительная вещь: если в силу каких-то обстоятельств один изучал Канта, а другой — Гегеля, система мышления, а следовательно — метод и способ анализа будут совершенно разными. У меня есть такая привычка: прежде чем начинать читать того или иного автора, поначалу я заглядываю в библиографию его труда. Если в ней нет работ Гегеля, а есть ссылки на Канта, я процентов на восемьдесят могу предсказать содержание книги и выводы этого автора.

«Каждый прав по-своему», — может сказать любой. Я так не считаю. Однозначные ответы существуют, так же как и однозначные (абсолютные)

АРИН Олег Алексеевич (Алекс БЭТТЛЕР) — политолог, доктор исторических наук (г. Нью-Йорк).

истины, в рамках *определенной* системы координат. И чтобы подтвердить этот самоуверенный постулат, приведу один социологический эксперимент-задачку, навеянный реальным случаем.

Не так давно меня пригласили на вечеринку выходцев из России, где присутствовали знакомые и друзья, в том числе одна семья, которая стала причиной бурной дискуссии. Неожиданно разгорелся спор: кого считать в этой семье успешным, кого — неудачником. К удивлению всех оценка каждого кардинально отличалась от оценок других. В еще большей степени удивило то, что за каждой оценкой стояла логическая аргументация, которую непросто было опровергнуть. Получалось, что все правы, но правы по-разному. Присмотримся к ситуации повнимательнее.

Итак, речь пойдет о взаимной оценке «успешности и моральности» людей, состоящих в родстве: сына, отца и матери. Исходные данные таковы: семья эмигрировала в Америку давно, все имеют русские корни. Сын — возраста около 45 лет, русского происхождения. Успешный банкир, мультимиллионер, живет в районе самых богатых людей США. Женат, имеет троих детей. Отец — 65 лет, советского происхождения, исследователь, пишет книги, в основном издает их в России, хотя живет в США, не бедствует. Мать — творческий человек: писательница и художник, живет в США, не бедствует.

Задача: кого из них можно считать успешным, кого — неудачником? И существует ли связь между успехом и совестью (моралью)? Ответ может варьироваться внутри следующих «пар»: успешный и моральный; успешный, но неморальный; моральный, но неуспешный; неуспешный и неморальный. Изначальная подсказка: обычно говорят, что существует три вида

оценки человека: что думает о себе сам человек, что думают о нем другие и что он есть на самом деле. Исходя из этого и начнем наш анализ.

Оценки сына

Самооценка. Весьма успешен и очень умен: начинал с продажи пылесосов, но стал крупным банкиром. Весьма уважаем людьми своего круга. У него самый шикарный дом в округе, очень дорогая машина (всего их три). Он нежно заботится о детях и содержит своих родителей, а также родителей жены. То есть с честью выполняет свой родительский и сыновний долг. Это дает ему основание считать себя «высокоморальным» человеком. Его система ценностей соответствует высшим американским стандартам, что и позволяет ему занимать верхнюю нишу в американском обществе.

Об отце. «Совковое» мышление, не в состоянии вписаться в американское общество. Пишет книги «в полемическом и оскорбительном тоне», что не принято в США. Марксистско-ленинская терминология, диалектика Гегеля обрекают его книги на забвение. Отца надо держать подальше от своих друзей, иначе он всех распугает своим коммунизмом. Как следствие — в жизни фактически ничего не добился, да и живет за мой счет. В целом — *неудачник*.

О матери. Да, пишет и творит необычно, но не в русле основного течения в США — вне, так сказать, «мейнстрима», заработать на этом нельзя. Нет смысла пропагандировать ее творчество, хлопотно издавать ее книги, показывать ее картины. Не принимая американские ценности, она тоже не вписывается в американский «модерн». Творчество матери — *эпистолярная забава и рисование для украшения домашнего интерьера*.

Оценки отца

Как было упомянуто, отец этого обамериканившегося русского является выходцем из Советского Союза, сохранившим советские морально-нравственные ценности. Среди этих ценностей наиглавнейшей является *справедливость*.

Об обществе. Любой богатый — это вор, грабитель. Нынешнюю капиталистическую систему, а особенно в российском исполнении, отец рассматривает как враждебную России, а всех капиталистов, включая олигархов, — как преступников и врагов русского народа. Это же относится и ко всем крупным капиталистам в любых странах. Поэтому его абсолютно не радуют материальные успехи сына, а наоборот — крайне огорчают.

О сыне. Испытывает психологический шок, наблюдая образ жизни сына, буржуазная иррациональность которого, по его мнению, адекватна ментально больным людям. Не понимает: зачем для семьи из четырех человек нужен дом площадью около 2,5 тысячи квадратных метров? зачем нужна машина за 330 тысяч долларов? зачем нужны домработницы (одна стирает, другая убирает, третья присматривает за одним из детей, четвертая — за другим ребенком) при наличии жены и проживающей с ними тещи? зачем нужна четвертая машина с шофером при наличии трех личных машин? Он не понимает: зачем личный шофер постоянно возит одного из детей в школу и из школы, хотя есть школьные автобусы и, наконец, мать ребенка?

У него не укладывается в голове и такой «бзик» сына. Парень когда-то увидел свадебный ритуал какого-то племени в Африке. Ему очень понравилось, и он стал изучать культуру и историю этого племени, в результате чего проникся воинственным ду-

хом этих африканцев. И вот сейчас, уже несколько лет прожив с женой в гражданском браке и больше полугода в законном, вознамерился сыграть свадьбу по африканским обычаям. Специально съездил в страну проживания племени, чтобы договориться о проведении свадьбы. Вождь с радостью согласился, поскольку почувствовал, что с этого белого можно немало слупить. Так этот белый на свадьбу, помимо своих родственников с той и другой стороны, пригласил еще человек десять друзей, которые с удовольствием согласились поучаствовать в маскараде, тем более что некоторые из них поедут в Африку за счет «жениха».

Когда его отец, а затем и мать отказались участвовать в этом абсурдном спектакле, сын искренне разозлился на «совковость» стариков за непонимание, по его словам, «тонкостей эмоциональной синхронизации» молодых именно на свадьбе по обрядам этого племени.

Оценка. Кого я воспитал? Такие природные задатки! Мог стать великим ученым, мыслителем, а разменялся на мещанскую туфту, став классическим буржуем-финансистом, превращающим своих близких в людей, буквально парализованных несамостоятельностью. Дело в том, что сверхзабота сына о ближних (жене и детях), по глубокому убеждению отца, принимает уродливый характер, проявляющийся в том, что из-за слуг и нянек-мамок у жены и детей исчезают навыки элементарного самообслуживания. Стремление выполнить любое их желание начисто отбивает у его ближних тягу к труду. В результате детям даже в голову не приходит, что следует самим убирать свое жилье, самим находить себе занятие по возрасту и пр. Зачем, когда для этого есть слуги? Так поневоле, следуя канонам жизни своего

класса, хорошие люди превращаются в плохих.

Небольшой комментарий: отец, очевидно, не понимает или не задумывается над тем, что в паразитическом образе жизни того слоя, к которому принадлежит его сын, есть чисто экономическая логика. Дело в том, что среди высшего класса буржуазии в США существует страта, которая сделала деньги на финансовых операциях, например через такой «финансовый инструмент», как хеджирование. Этот способ обогащения требует не труда «в поте лица», а аналитических навыков в области финансового бизнеса плюс везения. Кому повезло, тот стал миллионером или миллиардером. Не повезло — *try again or try harder*. Этот легкий способ стать богатым превратил их в паразитов, психология и практика которых распространяется и на их окружение. Они напоминают класс олигархов в России, превратившихся в миллиардеров без труда — по «знакомству и везению».

Понятно, что такой тип поведения противоречит всем социалистическим канонам и ценностям, поэтому и неудивительно крайне негативное отношение отца к образу жизни его сына. Другими словами, *что несправедливо, то неморально*. Отец оценивает сына как *неудачника*.

Оценки матери

Мать в этом случае оказывается в безысходном положении: «головой» согласна с оценками отца, «сердце» же никаких оценок не делает — оно просто разрывается от взаимонепонимания с сыном. Противоречия между ценностями и «кровью» в ее случае не разрешаются, а просто разрушают ее. К сожалению, это нормальная для женщины позиция, но в данном случае она крайне драматична.

Оценки российских обывателей

Весьма любопытная вещь. Многие знакомые отца, хорошо знающие его сына с детства, сами — типичные «совки», тем не менее не одобряют оценок отца, особенно в отношении своего сына. «Он же сын, — главный их аргумент, — родной сын. Причем здесь буржуй—небуржуй?» Такой подход отражает определенную тенденцию. Даже обыватель с просоветскими симпатиями, ругающий нынешнюю власть, олигархов и буржуазию, как только речь заходит о близких родственниках, тут же отбрасывает политико-идеологические пристрастия и при любых вариантах встает на сторону родных. А если этот родственник, а тем более сын или дочь, становится к тому же богатым, то есть в нынешних условиях «буржуем, угнетающим российское население», обыватель тут же забывает все деяния «антинародного режима», переходя на сторону последнего. Такое поведение закономерно для обывателей любой страны. И не только потому, что по своей сути обыватель — эгоцентрист, то есть обременен только интересами собственной личности и семьи; но и потому, что тип его мышления в силу образа жизни является сугубо созерцательным в духе солипсизма Беркли: все то, что за пределами видимости, — не существует.

Те же друзья и знакомые не без ехидства указывают отцу и матери: если вы так негативно оцениваете успехи своего сына, что же вы живете за его счет? С точки зрения обывателей, это справедливое замечание. И таким обывателям отец мог бы ответить: проблема в матери. Мол, он в любой момент готов уехать от этой «халявы», поскольку ему все равно, в каких условиях трудиться. В отли-

чие от него, жена не готова уехать куда угодно. И дело даже не столько в удобствах, к которым она привыкла, а главным образом — в странах, от которых она отвыкла, что особенно касается России. В этом завыка... И обыватель проглотил бы подобный ответ.

Но у отца есть и другой ответ, который обыватель никогда не примет. Отец может принимать эту помощь как компенсацию буржуев-финансистов за их грабеж «остальной части Америки или России». Тем более что многие миллиардеры, видимо, в душе все-таки осознавая свою мародерскую сущность, вынуждены демонстрировать свое «благородство» низшим классам посредством выплат в различные фонды милосердия и миссионерских структур.

Есть и такое соображение. Маркс жил за счет Энгельса, Энгельс — за счет своего отца-капиталиста; позже оба — за счет наследства своих буржуазных родителей, которые, между прочим, друг друга терпеть не могли. Иначе говоря, если судьба определила тебе жить в определенном обществе, это не значит, что ты должен обязательно принимать это общество. Если оно тебе кажется несправедливым, твоя обязанность бороться против него, в том числе и используя господствующий класс, точнее — его представителей, для его же свержения. «Буржуазия возвращает своего могильщика». Такова логика истории.

Оценки американцев

Поскольку американское общество четко разделено на классы — причем в более контрастной форме, чем в Европе, — естественно, будут различны и оценки в зависимости от принадлежности к определенному классу

и даже слою. Позиция филистеров не будет отличаться от аналогичных оценок российских обывателей: мозги работают абсолютно одинаково. Здесь интересно, как представители своего класса оценивают себя сами. В связи с этим хочу обратить внимание на одну книгу, которую приобрел уже после того, как начал писать эту статью¹. Дело в том, что, когда я взял в качестве примера абстрактного «сына», я предполагал, что он составляет исключение из общих правил, в рамках которых существует слой богатых американцев. Почитав эту книгу, я понял, что ошибся: он характерен для того слоя, который социолог Дэвид Брукс называет «бобос» — сокращенный вариант от слов «буржуазная богема».

Автор книги — мой старый знакомый Чарльз Мюррей. Первые два слова заглавия книги («Coming Apart: The State of White America, 1960—2010») можно перевести двояко: и как «распад», и как «деморализация». По сути — одно и то же, поэтому я выбираю второй вариант: «Деморализация: положение белой Америки в 1960—2010 годах». (Интересно, что в России это слово метко перевели выражением «трещим по швам».)

Ч. Мюррей описывает возникновение где-то с конца 1980-х годов *нового высшего класса* (new upper class), составляющего 5 процентов работающего населения США в возрасте от 25 лет и старше (около 1,5 миллиона человек), качественно отличающегося от прежних богатых людей Америки. Из них 1 процент — самые богатые с доходами в среднем более 500 тысяч долларов в год. В этот класс входят люди различных профессий, среди

¹ См. Ch. Murray. Coming Apart: The State of White America, 1960—2010. N. Y., 2012.

которых на самом верху находятся президенты и директора крупнейших компаний и банков. Их отличительной чертой является то, что, помимо богатства, они весьма образованы, сверхэнергичны, в культурном отношении резко отличаются как внешним видом, манерой поведения, так и изысканностью речи. Живут они в особых местах, со своей полицией (соответственно, там меньше криминала), куда почти не заглядывают бедные, испаноязычные и афро-американцы.

У них более стабильные семьи, свои школы и колледжи. Дети их учатся в самых привилегированных университетах. Обычно они голосуют за республиканцев (эта партия поддерживается наиболее богатыми и консервативными по взглядам людьми). Громадный культурный разрыв отделяет эту элиту от других американцев. Они редко смотрят «Опру» и «Засуди Джуди» (популярные телешоу в США). Фактически они вообще почти не смотрят телевизор. Они не смотрят даже спортивные соревнования. В целом в среднем американец проводит за телевизором 35 часов в неделю, бобосы — около 7 часов. Обедают они в ресторанах — но не в тех, куда ходит народ. Они пьют вина и дорогое пиво — но только в умеренных количествах, и почти не курят. Очень жестко следят за своим питанием и здоровьем, чем сильно отличаются от «жирной Америки».

Детей они, как выражается Ч. Мюррей, «бомбардируют интеллектуальными стимуляциями с самого рождения, а иногда и с момента зачатия»². В последнем случае имеется в виду, что после зачатия мамаша находится под пристальным наблюдением врачей, заставляющих ее, например,

слушать музыку, которая, дескать, благотворно скажется на развитии плода. После рождения ребенка родители начинают мучать его всевозможными балетными и спортивными классами, нанимают специальных учителей для обучения всяческим языкам и другим премудростям, регулярно водят к терапевтам и психологам. Короче, в результате «у ребенка не остается времени быть ребенком». И естественно, они постоянно всем демонстрируют, какой у них умный ребенок, и так доводят его до университета (университетская администрация называет таких родителей «вертолетные родители»).

Так вот, главная их отличительная черта заключается в том, все свои успехи, образ жизни и т. д. они демонстрируют напоказ. Если богатые, например 1960-х годов, старались не выделяться, по крайней мере не выносить свои богатства на «люди» (за редким исключением), то нынешние, наоборот, стремятся перещеголять друг друга более крутым домом, крутой машиной, крутой женой, крутым ребенком и т. д. Для этого слоя дилемма, когда-то поставленная Фроммом, «быть или иметь» однозначно решается в пользу не только «иметь», но и «казаться». Последнее даже более важно. Даже занятие наукой для них — не для науки, а для того, чтобы занять положение в определенном слое. «Иметь и казаться» — пропуск в этот класс. И ведя подобный образ жизни, этот класс, сетует Ч. Мюррей, управляет Америкой, принимая решения на основе «своего образа жизни, нетипичного для всех».

До прочтения этой книги мне казалось, что пускать пыль в глаза — это черта только русских богачей. Оказывается, нет. Поэтому поведение нашего героя-«сына», его успехи и мораль стопроцентно укладываются в стан-

² *Ibid.* P. 39.

дарты его класса. И соответственно — люди, принадлежащие к последнему, вынесли бы резко отрицательный вердикт в отношении его родителей с их «коммунистическими ценностями». Последние для бобосов — самое страшное, что может быть.

Читая книгу Ч. Мюррея, я постоянно вспоминал великого американского поэта Уолта Уитмена, который в своих стихах и статьях опасался именно такого развития событий, появления именно такого нового высшего класса: «...какими бы мы сделались прилизанными, грамматически правильными, но беспомощными и бескровными людьми. ...Хотя Штатам и нужны ученые, хотя, может быть, им также нужны такие джентльмены и дамы, которые довольно часто принимают ванну, никогда не смеются слишком громко и не делают ошибок в разговоре, но было бы ужасно, если бы мы все до единого превратились в этих профессоров, джентльменов и дам ценою утраты всего остального... Создание (по примеру Европы) какого-то особого класса сверхутонченных, рафинированных людей (отрезанных от остального человечества) — дело отнюдь не плохое само по себе, но для Соединенных Штатов оно не подходит, в нем гибель для нашей американской идеи, ее верная смерть».

Похоже, американцы действительно подходят к этой черте. По контрасту с новым высшим классом Ч. Мюррей описывает новый низший класс, который составляет одну пятую часть белого населения (речь идет только о «белых»). Этот класс находится в состоянии дезинтеграции: очень многие из мужчин — безработные, очень многие женщины растят детей вне брака, религиозность у этих людей в упадке, бывшая общинность низшего класса исчезает. Мюррей дает нема-

ло информации об их низком уровне образования, проблемах со здоровьем, о низкой культуре и массе других негативных качеств.

На самом деле контрасты еще «контрастнее» тех, о которых в «Нью-Йорк таймс» часто пишет Пол Кругман. Как бы то ни было, ныне в США происходит интенсивное классовое размежевание. В какой-то степени его отражением стало движение «Захвати Уолл-стрит!». Так вот, низшая часть населения искренне ненавидит те самые 5 процентов нового высшего класса, в который удачно вписался молодой парень из России. И «успехи» этого класса участники движения оценивают как обратную сторону ограбления «остальной части Америки».

Иначе говоря, то, что считается успехом для меньшинства, большинством рассматривается как грабеж. Другими словами, оценка зависит от классовой принадлежности наблюдателя-оценщика. Капиталистическое общество воспроизводит различные ценностные системы координат. Как писал еще Ленин, он представляет собой две культуры, два мира. Хотя для Америки (если учесть еще и классовые, и расовые различия) этих миров окажется значительно больше. Но в любом случае трудовая Америка крайне негативно оценила бы успехи российского американца.

Итак, оказывается, одно и то же явление оценивается совершенно по-разному «буржуями», западными и российскими обывателями, друзьями, детьми и родителями.

Оценки на основе научных критериев

Кто же прав? И вообще, существует ли в данном случае критерий истины? В философии выделилась

отрасль, которая специально занимается природой оценок — аксиология. Проблема в том, что, как и вся философия, она крайне идеологизирована, разбита на разные школы, среди которых есть и такая, как культурно-исторический релятивизм. Для этой школы характерна идея плюрализма, в соответствии с которой все оценки равноправны; в нашем случае — все правы. Но истина, как известно, одна, и прав в оценке заданной ситуации может быть только один. Попробую доказать это. Но для начала два слова о «мнениях» обывателей, которые не надо путать с научной оценкой.

Я всегда восхищался мнением о себе моей тетушки с отцовской стороны. Она была профессиональной спекулянткой на татарском базаре в Астрахани: через свой киоск чего только не перепродавала. Но не в этом дело. В отношении меня у нее было устойчивое мнение — дурак беспросветный: столько возможностей делать деньги, а он (я), вместо того чтобы подторговывать на базаре, покупает (!) и читает книги, уехал из Астрахани в дурацкую Москву, а затем в какие-то еще более дурные страны. Между прочим, нашего молодого героя она оценила бы по самым высшим критериям — умеет делать деньги. Об отце отозвалась бы как о полном идиоте, о матери — то же самое, но в более приличном выражении.

Сразу же хочу подчеркнуть, что ее мнение почти на сто процентов совпадет с мнением обывателей из любой страты «народа» любой страны — поскольку у них у всех есть много общего. Обыватель не изучает, не сомневается. Он все время занят, ему некогда, у него масса забот. Он ползает по земле. Но он все знает, у него на все есть готовые ответы. С позиции

обывателя Инесса Арманд, бросившая пятерых детей ради революции, — преступница. Такими же преступниками для них являются Иван Грозный и Петр I, убившие своих сыновей. И с точки зрения их морали и нравственности они правы. Но они никогда не поймут, что система морали у великих людей кардинально иная, о чем в свое время писал еще Гегель. Но что им Гегель, когда рядом есть Палваныч и Марьянна.

Оставим, однако, их бытовую филодоксию в стороне, а перейдем к более серьезным философским основаниям, которые позволят сформулировать критерии истины. Ограничусь тремя философиями: американским прагматизмом, который является одной из форм позитивизма, классическим марксизмом и современным марксизмом.

Американский прагматизм

Существует множество разновидностей прагматизма, но все они исходят из одной посылки — истина только тогда истина, когда она полезна. Так полагал основатель прагматизма Вильям Джеймс³. В концентрированной форме в изложении его последователя Мортона Уайта она означает: «Истинно то, во что мы должны верить; то, во что мы должны верить, — это то, во что нам выгодно верить; следовательно, истинно то, во что нам выгодно верить»⁴. Надо сказать, что, несмотря на множество философских течений, распространенных в США, именно идеи прагматизма нашли благодатную почву в

³ См. **W. James**. Pragmatism. — «Writings, 1902–1910». N. Y., 1987. P. 574–575.

⁴ Цит. по: **А. С. Богомолов**. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 292.

сердцах, точнее — в умах большинства американцев. Они предметно просты и психологически очень понятны. Особенно, когда эту идею истины доводишь до логического американского конца: познано, или истинно, что одно и то же, только то, что является *проданным*. На этом фундаменте построен весь американский капитализм и, соответственно, вся система ценностных координат.

С точки зрения подобной идеологии жизнь описанного выше молодого американца является примером реализации этой фундаментальной ценности и может оцениваться однозначно как очевидный успех. Это касается не только внешних атрибутов (дом, машины, положение в обществе), но и моральных качеств, проявленных в деле накопления богатства. То, что отцу кажется дикостью, абсурдом, в философии прагматизма представляется необходимостью.

Взять тот же «бзик» со свадьбой. Для американского прагматизма это означает следующее. Во-первых, он может позволить себе устраивать свадьбы где угодно, когда угодно, удовлетворяя любой свой каприз. Во-вторых, неслучайно он приглашает на нее друзей, за которых, может быть, и придется заплатить. Зато впоследствии эти самые друзья расскажут об этой свадьбе в аналогичных кругах, что еще больше поднимет престиж героя внутри своего класса. В-третьих, привезенный с собой профессиональный фотограф сделает такие фотографии, которые не стыдно выложить в «Facebook» в продолжение раскручивания пиара. В-четвертых, наверняка, будет и кинооператор, фильм которого тоже будет прокручен где-нибудь в СМИ.

Вся свадьба — это затраты на производство рекламного товара.

Отдача — рекламный пиар в среде своего класса. Выгода — повышение престижа и большее доверие к продаже реального товара, которая осуществляется через возглавляемую им компанию. Другими словами, действия молодого банкира соответствуют всем экономическим и моральным канонам капиталистов высшего класса. И этот молодой и успешный бизнесмен с полным правом может называть себя (и серьезно в это верит) «высокоморальным» человеком. То, что такая акция может раздражать низшие слои, банкира мало волнует, поскольку не они определяют его социальный статус.

С точки зрения американского прагматизма, естественно, образ жизни и система ценностей его отца и матери могут оцениваться только в отрицательном плане, поскольку его книги и ее картины не куплены, а значит — не имеют ценности. Содержание же не имеет никакого значения. Значение имеет цена. Если говорить о живописи, то цену определяют торги — скажем, на «Sotheby's». К примеру, на этом аукционе как-то «обои» Марка Ротко были проданы за 86 миллионов долларов. Ни одна картина импрессионистов там за такую цену не продавалась. Это означает, что Ренуар или Ван Гог как художники значительно ниже маляра Ротко. Прагматизм, повторяю, говорит: истинно только то, что продано, а еще более истинно то, что продано дорого. Поэтому банки консервированного супа Энди Уорхола более истинны, чем «устаревший» Рембрандт. Ну и конечно, работы матери явно не потянули бы на банки Уорхола, на инсталляции Джефа Кунса или Луизы Буржуа. Что же касается книг отца, то они в принципе не укладываются в философию прагматизма, да и в любую другую буржуазную философию, и поэтому сын абсолютно

прав в своем негативно-скептическом отношении к писаниям отца.

При всей правоте оценок сына с позиции американского прагматизма, есть одна серьезная заковыка: в США даже в среде этих самых «пяти процентов» появляются богачи-миллиардеры, которые начинают понимать, что долго так продолжаться не может, «массы» даже среднего класса начинают вскипать, надо что-то делать, начинать подкидывать этому классу чуть больше «объедков» и, по крайней мере, не мозолить им глаза своим богатством. Особенно четко осознает это миллиардер Уоррен Баффет, который активно пытается урезонить свой класс. Но молодые банкиры, особенно из сферы хеджирования, или так называемых консалтинговых фирм, этого не понимают и продолжают демонстрировать свое богатство, что соответствует новым правилам нового высшего класса.

Классический марксизм

Естественно, оценки, вытекающие из классического марксизма, кардинально иные. Оно и понятно, поскольку классический марксизм возник и развивался именно в борьбе со всеми буржуазными философиями. Отец рос, воспитывался и учился на базе этических норм этого учения, в основе которых, как уже говорилось, лежит идея справедливости. Поэтому он не может спокойно созерцать, как его сын по-барски относится к нижестоящим по положению людям (шоферам, няням и прочему обслуживающему персоналу). У него не укладывается в голове факт, когда для уборки квартиры, стирки белья нанимается домработница. Это означает, что люди не могут содержать в порядке свое жилище — что по по-

нятиям советской морали свойственно очень недоразвитым индивидам. Присмотр за детьми всяческими нянями при молодой жене, которая все время «не успевает», тоже понимается отцом как неумение трудиться и организовывать свое время. Он не понимает, почему сын не замечает и не признает того факта, что возвращает паразитов в собственной семье. Причем с самого начала у некоторых из них не было таких качеств. Но когда тебя в садик или в школу возят на «мерседесе», когда твою комнату убирают слуги, и посуду моют тоже слуги, кто угодно привыкнет к паразитическому образу жизни.

Кроме того, у него не укладывается в голове, зачем человек обзаводится сотнями рубашек, десятками костюмов и ботинок (в одном доме он однажды увидел 365 пар ботинок: для каждого дня — новая пара). У него вызывает крайнее недоумение тот факт, что мужчина может всерьез обсуждать качество простыни и наволочки, фирмы—производители костюмов или часов. У него вызывает отвращение поведение мужчин, которые все время на людях демонстрируют «любовь» к жене или к детям непрекращающимися поцелуями. Его, например, раздражает, когда американские родители постоянно говорят детям: я тебя люблю — а те в ответ: я тебя люблю тоже.

В рамках социалистической морали такие вещи не следовало демонстрировать на публике, тем более что любовь проявляется не на словах, а в делах. При этом, что касается дел, то в США, несмотря на показное любовное сюсюканье, только и читаешь, как то дети родителей, то родители детей пристреливают из-за всяких пустяков. Вся эта система жизни напоказ, пускание пыли в глаза, стремление казаться, а не быть, чужда социали-

стическим ценностям и главной из них — справедливости. Поэтому нынешнее *положение сына отец оценивает как поражение* перед жизнью, как уничтожение природных данных человека приобретенными условностями и ценностями буржуазного общества.

Что касается самооценки, то он объективно определяет свое место в капиталистическом обществе. В мире миллиардеров, в системе долларгазма⁵, он не успешен, поскольку остается верным принципам справедливости. Он отдает себе отчет в том, что в рамках капиталистического общества его книги и идеи востребованы не будут; следовательно, никаких продаж и признаний ожидать не приходится. Однако это не сильно его расстраивает, поскольку он уверен, что его идеи не сегодня, не здесь, так завтра-послезавтра непременно будут востребованы. Для него важно то, что свой долг перед человечеством он выполнил. Он сделал открытия, ускоряющие прогресс. А как, когда и где человечество этим распорядится — это дело самого человечества.

Наконец, он высоко оценивает творчество своей жены во всех его сферах. Полагает также, что и в моральном отношении ей нет равных.

Мать, вышедшая из той же социалистической среды, *аналогичным*

образом оценивает личность своего мужа. В отношении же сына у нее громадная раздвоенность. Она оценивает его статусные успехи как деформацию талантливейшей личности, обусловленную правилами «игры» его класса; тем не менее она высоко ценит его качества как сына: в любой жизненной ситуации он приходит ей на помощь, создает условия для жизни как ее самой, так и мужа.

В мире науки не может быть множества истин применительно к одному и тому же явлению. Невозможно, чтобы скорость света зависела от твоих идеологических пристрастий или партийной принадлежности, или даже той или иной философской школы.

Современный марксизм

Итак, представлены различные оценки одних и тех же личностей, и все они имеют право на существование, и вроде бы все правы с точки зрения своих ценностных ориентаций или идеологий.

Однако повторю еще раз: в мире науки не может быть множества истин применительно к одному и тому же явлению. Невозможно, чтобы скорость света зависела от твоих идеологических пристрастий или партийной принадлежности, или даже той или иной философской школы, хотя и есть некоторые философские течения, особенно в рамках неопозитивизма, которые и пытаются оспорить эту очевидную истину.

⁵ Авторский неологизм, производное от слов «доллар» и «оргазм». Подробнее об этом см. **О. А. Арин, А. Бэттлер**. Россия в угаре долларгазма и еслибизма. М., 2008. — *Прим. ред.*

Современная марксистская методология позволяет делать умозаключения об истинах, которые адекватны отражаемым явлениям. Чтобы было понятно, необходимо учесть разницу между *классическим* и *современным* марксизмом. *Первый* в рамках познания на основе теории отражения при анализе общественных явлений исходит главным образом из представления о поступательном движении человечества к прогрессу через формационные фазы: рабовладение переходит в феодализм, последний — в капитализм, капитализм — в коммунизм, который, в свою очередь, имеет предварительные ступени в виде разных фаз социализма. Эта фундаментальная посылка с конца XX века перестала быть убедительной из-за распада СССР — так сказать, коллапса «коммунизма».

Все антикоммунисты с нескрываемой радостью утверждают, что теория марксизма-ленинизма разбилась о практику, которую сам же марксизм считает критерием истины. Этим антикоммунистам бессмысленно напоминать о том, что буржуазные теории многократно терпели поражение на практике, прежде чем возвестить победу отраженных в них реальностей капиталистических обществ. В одной только Франции понадобилось несколько революций, пока утвердились «цивилизованный капитализм» и адекватная ему буржуазная идеология. Но здесь речь не об этом. В любом случае определенный смысл в укорах противников марксизма есть, поскольку классический марксизм в силу определенных причин действительно был крайне идеологизирован: об истинах он судил, исходя главным образом из классовых и идеологических позиций.

Современный марксизм для установления критерия истины, не отка-

зываясь от предыдущих критериев в *определенной* системе координат, вводит новый инструмент — второй закон термодинамики в его энтропийном варианте в виде закона возрастания энтропии. Последний вариант удобен для анализа общественных явлений посредством категорий хаоса и порядка. Кроме того, современный марксизм дает новое универсальное определение прогресса, выводя его за рамки формационных и классовых отношений. Хотя эти вещи прописаны в моих книгах⁶, я коротко напомню, что все это значит.

Один из вариантов определения энтропии звучит так: энтропия есть деградация материи и энергии во Вселенной до предельного состояния инертного единообразия. В соответствии с этим определением энтропия ведет к хаосу, хаос при определенных условиях — к структуре, структура — к равновесию (максимум энтропии), равновесие — к смерти. Другими словами, закон возрастания энтропии — это закон смерти. Однако благодаря познанию тайн природы и общества человечество находит лазейки, которые позволяют ему иногда обойти или притормозить действие этого фундаментального закона, что в обобщенном виде проявляется в увеличении средней продолжительности жизни (СПЖ) человека. За время своего «сознательного» существования человечество увеличило эту самую СПЖ с 18 до почти 80 лет (в развитых странах Европы, Северной Америки и Японии). Именно эту разницу (дельту) между 18 и 80 годами я и называю *прогрессом*. Эта дельта и есть конечный, результирующий итог прогрес-

⁶ См.: А. Бэтлер. Дialeктика силы: онтобгия. М., 2005. С. 284—288; Он же. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). М., 2008. С. 184—243.

сивной поступи человечества. При чем со сменой каждой формации эта дельта увеличивалась.

Какое отношение все это имеет к решению нашей задачи? Очень простое. Применяв эти категории, мы сможем ответить на вопрос, заданный условием задачи: кто успешен и морален?

В отношении сына. В современных условиях тот класс буржуазии, который представляет сын, носит прогрессивный характер, поскольку деятельность этого класса с его представлениями о морали и успехе пока продолжает увеличивать СПЖ не только его самого, но и всего человечества. Другими словами, этот класс еще сохраняет в себе определенные творческие потенции не только для самовоспроизводства и господства над обществом, но и для продвижения прогресса. Поэтому с позиции сегодняшнего дня сын и успешен, и морален, как бы к нему ни относились его отец и мать и другие приверженцы социалистической идеологии.

Вместе с тем уже зазвенели колокола Истории, возвещающие, что существованию буржуазного класса вообще и нового высшего класса в частности приходит конец. При этом свой конец провоцирует сама система, к которой они принадлежат. Последняя, как известно, построена на неравенстве, которое постоянно воспроизводит направленную против него борьбу. Система повсюду создает хаос (экономический, военный, политический и т. д.), который, в соответствии с законом возрастания энтропии, ведет к смерти. И чтобы избежать последней, человечество будет вынуждено смести этот буржуазный класс, прежде всего его верхний, так называемый пятипроцентный слой. И чем активнее он будет противиться историческому движению, тем быст-

рее будет свергнут. И добавим: чем успешнее тот или иной представитель этого слоя, тем более он аморален, поскольку любой успех — это усиление неравенства, то есть усиление грабежа низших классов. Следовательно, с исторической точки зрения сын аморален и неуспешен. Естественно, правящий класс обычно не понимает своей исторической обреченности. Уверенность в превосходстве над всеми ограничивает его способность размышлять, выходить за рамки собственных представлений о жизни. Осознает он это только, когда попадает на гильотину или в ГУЛАГ.

Исходя из такой методики анализа, *отец* и *мать* в современных буржуазных условиях — проигравшие, неуспешные люди, но высокоморальны, поскольку не поступаются принципами в угоду успеху в обществе, где царит неравенство. С исторической же точки зрения они не просто на стороне прогресса, но и делают этот прогресс. В этом смысле они крайне успешны и моральны. Ошибка же матери в отношении сына в контексте морали заключалась в том, что она исходит из чисто родственных отношений сына к родителям, а не с исторической точки зрения. Но эта ошибка прощительна и даже закономерна: женщины в принципе не исходят в оценках окружающего мира из каких-либо абстрактных теорий, а матери в отношении своих детей — тем более.

Именно таким образом решается поставленная задача на базе современного марксизма. С этим методом можно соглашаться или нет — в данном случае это не так важно. Я стремился показать, что существуют разные способы оценивать окружающую среду. Са-

мый примитивный вариант — обывательский, хотя именно он в любом обществе является доминирующим. Задача ученых и философов научить народ думать, размышлять. В свое время французским просветителям удалось научить думать буржуазию. Это позволило ей свергнуть феодальную аристократию. Большевики учили думать население Советского Союза. Это позволило стране стать второй сверхдержавой мира. Но эта

сверхдержава распалась, когда думать и размышлять разучились даже ее руководители. Сейчас в России наступило царство филодоксии, которая заразила и верхние слои российского общества. Результат — идет процесс самоуничтожения. Чтобы избежать этого, надо научить народ думать. Для этого надо учиться, учиться и еще раз учиться... А для начала — всех обязать проштудировать «Философскую пропедевтику» Гегеля. ◆